

АВТОРСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ В ПОЭТИКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

А. С. ПУШКИНА 1830-х ГОДОВ

Т. М. Жаглова¹, С. М. Скибин²

¹Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Российская Федерация

²Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Предметом исследования стали авторские примечания А. С. Пушкина, размещенные в его книжных и журнальных публикациях 1830-х гг., в которых автор разъясняет исторические и бытовые реалии, характерные для определенного периода развития русского общества. Актуальность работы заключается в том, что авторские примечания и комментарии А. С. Пушкина являются важной, но малоизученной категорией поэтики текста. Анализ и интерпретация примечаний Пушкина способствуют установлению связей его произведений с «ключевыми» событиями русской истории, обнаруживая истинное авторское отношение к ним. Учитывая высокие требования, предъявляемые поэтом к интерпретации событий, его очевидное недовольство явными «пробелами» в трактовке русской истории, можно в лаконичных строках примечаний обнаружить тот подтекст, который существенно дополняет романтизированное представление о героях и событиях. Примечания в позднем творчестве Пушкина позволяют авторам статьи разъяснить некоторые факты общественной и бытовой жизни российской действительности. Примечания содержат, как правило, ироническую оценку характерных для классицизма, сентиментализма и романтизма приемов, облеченную в форму пародии, в свою очередь, востребованную поэтом в творчестве 1830-х гг.

Ключевые слова: примечания, символ, антитеза, ирония, реминисценция, подтекст, детализация.

Введение

Примечания являются неотъемлемой частью современного литературоведения, обеспечивающей на различных этапах освоения текста высокую степень точности, достигаемую только при взаимодействии всех его элементов, в том числе – фактов общественного, культурологического, лингвистического, политологического характера.

Среди наиболее востребованных видов примечаний – авторское примечание, присутствие которого обогащает как первую публикацию рукописи, так и многочисленные переиздания, удаленные от воспроизведенного в тексте исторического этапа, с характерными для него реалиями быта, фактами общественной и культурной жизни. Так, прижизненные издания А. С. Пушкина публиковались в ряде случаев с комментариями автора, среди которых преобладает, по терминологии Б. В. Томашевского, «реальный, или исторический» [1, 198], позволяющий уточнить реалии событийной основы произведений.

Обзор литературы

Авторские комментарии Пушкина, казалось бы, всесторонне изучены в работах С. М. Бонди [2], Н. Л. Бродского [3], М. А. Цявловского [4], Л. Б. Модзалевского и Т. Г. Зенгер [5], Ю. М. Лотмана [6] и представителей его «школы», В. Э. Вацуру [7], Г. Г. Красухина [8], В. И. Коровина [9], В. В. Набокова [10], Ю. Н. Никишова [11], Т. К. Шор [12], однако часть примечаний нуждается в разъяснениях и уточнениях.

Авторские комментарии Пушкина 1830–1837 гг. свидетельствуют о его тщательной предварительной работе над их формальными (жанровыми) и содержательными признаками. На начальном этапе отбора и интерпретации текстов, отграниченных в современных собраниях сочинений специальными редакционными пометами «Прим. Пушкина», выявился возрастающий интерес поэта к разъяснению некоторых реалий.

Специфика этих комментариев может отличаться детализацией, как, например, комментарий к стихотворению «Герой»:

«Мечты поэта –
Историк строгий гонит вас!
Увы! его раздался глас, – *
И где ж очарованье света!»¹

Пушкин сохраняет «высокую» тональность и в примечаниях, сообщая читателю свое отношение к личности Наполеона, противопоставляя его в комментарии заведомо лишённому объективности мнению личного секретаря полковника Бурье-на, ссылаясь на его мемуары. Он выстраивает антитезу: «герой – человек милосердный» и «герой – тиран».

С помощью комментария к стихотворениям «(Из Пиндемонта)» и «Родословная моего героя» (оба 1836 г.) текст стихотворения получает допол-

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Воскресенье, 1997. Т. 3. Кн. 1. С. 253. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома, книги (нижний индекс) и страницы в круглых скобках.

нительные оттенки литературной мистификации. Пушкин в тексте стихотворения и в комментарии к нему вспоминает о злключениях Гамлета, потерявшего веру даже в самых близких людей. Поэт проецирует участь персонажа на собственную участь – автора и редактора, обреченного вступать в схватку с цензурой:

«Не дорого цену я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.

Все это, видите ль, слова, слова, слова *» (31, с. 420)

Методы исследования

По мере создания поэтом произведений крупной лиро-эпической и эпической формы и включения их в композицию «толстых» литературных журналов и альманахов доля примечаний возрастает. Так, текст поэмы «Полтава» (1828–1829 гг.) сопровождается тридцатью четырьмя примечаниями А. С. Пушкина, размещенными автором после основного текста поэмы. В данном случае, вводя значительное количество примечаний, он своего рода уравнивает стихи и прозу, осуществляет развенчание «высокой» патетики и погружение в исторический и бытовой контекст, лишь недавно воссозданный в традициях романтической поэзии в поэме К. Ф. Рыльева «Войнаровский» и в связи с этим наделенный идеализированными, по сравнению с реальностью, чертами:

«Прочитав в первый раз в “Войнаровском” сии стихи:

*Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь, –*

я изумился, как мог пройти мимо столь страшного обстоятельства.

<...> Клевета и в поэмах всегда казалась мне непохвальною. Но в описании Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было еще непростительнее» [13, с. 309].

Историко-генетический и типологический методы позволяют в данном и последующих примерах сопоставить способы воплощения исторической тематики в творчестве различных авторов, выявить черты своеобразия в воссоздании героя и среды.

Результаты и дискуссия

В отрывке из сатирической поэмы «Езерский», озаглавленном после ряда правок и доработок «Родословная моего героя» (1836 г.), Пушкин прибегает к историко-бытовому комментарию, разъясняя читателю архаичные по тем временам факты из жизни русского дворянства и примеры архаичной лексики, также ставшей предметом исследования в нашей работе.

Имя родственные связи с древним знатным родом Езерских, он вспоминает о путях продвижения предков заглавного героя по службе:

В века старинной нашей славы,
Как и в худые времена,
Крамом и смут во дни кровавы
Блещат Езерских имена.
Они и в войске и в совете,
На воеводстве и в ответе*

Служили князьям и царям (31, с. 426).

Использованные автором и выделенные им для комментария три архаичных выражения «служить в ответе», «пересесть» («И умер, Сицких пересев»), «новый Ходаковский» («каюся: новый Ходаковский, / Люблю от бабушки московской / я толки слушать о родне») (31, с. 426) свидетельствуют об интересе поэта к реалиям уходящей эпохи. Примечания, данные Пушкиным, просвещают его современников, узнающих, например, что «в ответе» равнозначно «в посольстве», «пересесть кого» означает «продвинуться по службе, получить новое назначение выше рангом». И, наконец, ощущать себя «Ходаковским» для лирического героя означает «жить ценностями прошлого», как поступал когда-то сам «...известный любитель древности, умерший несколько лет назад» (31, с. 426).

В поэме «Полтава» Пушкин обращается к возможностям реального (исторического) комментария. Мы распределяем состав примечаний и их специфику по следующим группам и в процессе исследования обращаемся к проблемно-тематическому анализу текстов:

– характеристика исторических персонажей («*Василий Леонтьевич Кочубей, генеральный судья, один из предков нынешних графов» (31, с. 65); «*Дорошенко, один из героев древней Малороссии, непримиримый враг русского владычества» (31, с. 65); «*Григорий Самойлович, сын гетмана, сосланного в Сибирь в начале царствования Петра I» (31, с. 65) и т. д. – всего пятнадцать примечаний);

– топонимические заметки, более или менее подробно очерчивающие место действия («*Хутор – загородный дом» (31, с. 65); «*Деревня Кочубея» (31, с. 66); «*Во время неудачного похода в Крым Казы-Гирей предлагал ему соединиться с ним и вместе напасть на русское войско» (31, с. 66); «*20000 казаков было послано в Лифляндию» (31, с. 65) и т. д. – всего пять примечаний);

– разъяснение историзмов, архаизмов, диалектизмов («*Бунчук и булава – знаки гетманского достоинства» (31, с. 65); «Слагают *цифр универсалов**» – «*Так назывались манифесты гетманов» (31, с. 66); «Скачут *сердюки**» – «*Войско, состоявшее на собственном иждивении гетманов» (31, с. 66); «Мазепы лик терзает *кат**» – «*Малороссийское слово. По-русски – палач» (31, с. 66) и т. д. – всего четыре примечания);

– отсылка к трудам в объяснении фактических сведений, связанных с героями истории с Мазепой («*Смотри *Мазепу* Байрона» (31, с. 66); «*В 1705 году. Смотри примечания к Истории

Малороссии, Бантыша-Каменского» (31, с. 66)); «*В Дрезден к королю Августу. Смотри: *Voltaire. Histoire de Charles XII*» (31, с. 66) – всего три примечания);

– расширенный комментарий, содержащий подробные сведения о событии («*У Кочубея было несколько дочерей; одна из них была замужем за Обидовским, племянником Мазепы. Та, о которой здесь упоминается, называлась Матреной» (31, с. 65)); «*Филипп Орлик, генеральный писарь, наперник Мазепы, после смерти (в 1710) сего последнего получил от Карла XII пустой титул Малороссийского гетмана. Впоследствии принял магометанскую веру и умер в Бендерах около 1736 года» (31, с. 66) и т. д. – всего десять примечаний).

Очевидны тщательная разработка Пушкиным исторического контекста произведения, осмысление фактов ушедшей действительности, пока не удостоившихся, по его мнению, объективного осмысления со стороны историографов и литераторов-современников.

В состав современных изданий сочинений А. С. Пушкина традиционно включен не только текст поэмы «Медный всадник», но и примечания автора к ней. Свойственное поэту неоднозначное восприятие личности Петра и его деяний нашло отражение и в его примечаниях. Он апеллирует к отзывам о Санкт-Петербурге и его создателе своих литературных предшественников (Альгаротти – итальянского литератора, посетившего в 1739 г. Россию, В. Г. Рубана – поэта XVIII в., создателя стихотворения «Надпись к камню, назначенному для подножия статуи Петра Великому» 1770 г.) и высказываниям современников (П. А. Вяземского, А. Мицкевича, Д. Д. Хвостова – поэта, автора «Послания N. N. о наводнении Петрополя, бывшем в 1824 года 7 ноября»), использует опыт реминисценций и аллюзий, позволяющих скрыть довольно крамольные размышления под маской строгой благопристойности, например, когда он выступает инициатором полемики с А. Мицкевичем по поводу метафорического сравнения из третьей части его поэмы «Дядя», озаглавленной «Памятник Петру Великому».

Мицкевич предлагает свое видение образа русской стужи, проводя параллель между неукротимой, жестокой стихией и русским же самодержавием, оказывающим гнетущее действие на всю нацию. У польского романтика монумент ассоциируется с водопадом, скованным льдом, антитезой которому выступает образ «солнца свободы», воспетого «русским поэтом», в котором без труда узнавался Пушкин: «Скоро блеснет солнце свободы и западный ветер согреет эту страну: что же будет тогда с водопадом?» [2, с. 150].

Патетические рассуждения героя получают продолжение в первом примечании, прикрепленном к знаменитому внутреннему монологу Петра из вступления к поэме:

И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно...* (2, с. 135).

Пушкин в примечании приводит цитату из речи французского поэта, усиливая тем самым антитезу «Россия–Европа», подчеркивая разницу в ценностных ориентирах двух держав: «*Альгаротти где-то сказал: “Петербург – окно, через которое Россия смотрит в Европу (франц.)”» [2, с. 150].

Пушкин прибегает к типичным для примечаний формам начала (зачина) и концовки: в частности, в «Медном всаднике» они открываются так называемым тематическим заходом – развясняющим комментарием, непосредственно связанным с композиционным зачином поэмы и важнейшим сюжетным этапом – прославлением Петра I; концовка – примечание, обозначенное № 5, – резюмирующая, вновь акцентирующая внимание на литературных реминисценциях и аллюзиях: «*Смотри описание памятника в Мицкевиче. Оно заимствовано из Рубана – как замечает сам Мицкевич» [2, с. 150], – что утверждает поэта в его интерпретации символического и реального образа Петра I, не «разгаданного» классицистами и романтиками.

Этапным стал для А. С. Пушкина период «первой», 1830 года, Болдинской осени. 14 сентября 1830 г. Пушкин продолжил работу над «Повестями Белкина», углубляя реалистический рисунок образа рассказчика в основном тексте и в примечаниях. Так, в «дополнительных» сведениях о герое содержится информация, усиливающая иронический тон в создании его портрета и «ключевых» событий жизни. Автор-повествователь на первый взгляд всего лишь сообщает о Белкине «избыточную» информацию [13, с. 185], однако она позволяет выявить в персонаже вполне органичные черты и увлечения. Для рассказчика нет ничего предосудительного в том, что персонаже сочетались «к женскому полу великая склонность» и «стыдливость была в нем истинно девичья»*, что получает развитие в примечании: «*Следует анекдот, коего мы не помещаем, полагая его излишним; впрочем, уверяем читателя, что он ничего предосудительного памяти Ивана Петровича Белкина в себе не заключает» [13, с. 68].

Обращение А. С. Пушкина к такому якобы поясняющему комментарию воспринимается как явная мистификация: пародия на чрезвычайно востребованную в 1830-е гг. разновидность работы с текстом, позже, например, в статьях Б. В. Томашевского, рассмотренную как редакционно-издательский комментарий [1, с. 198].

В том, что именно примечания автора содержат важную информацию, читатель убеждается и в ситуации своеобразного представления перечня повестей, включенных Белкиным-рассказчиком в состав его произведения, и персонажей, от кото-

рых занимательные и поучительные истории были услышаны им: «В самом деле, в рукописи г. Белкина над каждой повестью рукою автора написано: слышано мною от такой-то особы (чин или звание и заглавие буквы имени и фамилии). Выписываем для любопытных изыскателей: «“Смотритель” рассказан был ему титулярным советником А. Г. Н., “Выстрел” подполковником И. Л. П., “Гробовщик” приказчиком Б. В., “Метель” и “Барышня” девицею К. И. Т.» [13, с. 68].

Примечания в тексте повестей предваряются одной лаконичной ссылкой: «Вышеупомянутые повести были, кажется, первым его опытом. Они, как сказывал Иван Петрович, большею частью справедливы и слышаны им от разных особ**» [13, с. 68]. Прибегая к такому способу обрисовки персонажей, Пушкин акцентирует внимание на типичном для их социальной среды мировосприятии, особенностях бытового и ситуативного поведения, речевой характеристике [14, с. 151]. Комментарий такого рода в литературоведении рассматривается как историко-текстовый и библиографический [1, с. 198], поскольку он знакомит с источниками информации и характеризует их, изначально настраивая на особенности стилиевой и языковой подачи материала.

Дни Болдинской осени с 15 по 18 сентября 1830 г. ознаменовались созданием и завершением «Отрывков из путешествия Онегина», в которых автор вместе с героем вспоминает путешествие по различным уголкам России.

В «Отрывках из Путешествия Онегина» наиболее сильные впечатления героя связаны именно с пребыванием в Одессе. Рассказу об Одессе свойственна подробнейшая детализация и обилие иронических выпадов [15, с. 52], передающих разнообразный спектр эмоций героя – от восхищения до скепсиса, вызванного реалиями «парадной» жизни знатных одесситов и бытописанием довольно неприглядных будней городского мещанства. Детали-перечни упоминаемых культурных, топонимических, гастрономических примет Одессы выстроены в главе по принципу антитезы, когда перечисленные символы-эмблемы культурной жизни города: оперный театр и его составляющие («Но уж темнеет вечер синий, / Пора нам в оперу скорей: / Там упоительный Россини, / Европы баловень – Орфей» [13, с. 81]) оттеняются в XXVII строфе сравнением явлений искусства и гастрономических изысков.

Прежде чем вслушиваться и всматриваться в происходящее на сцене, Онегин с удовольствием проводит время в роскошном ресторане Отона, внимание на котором акцентируется в примечании: «*Известный ресторатор в Одессе» [13, с. 81], углубляя контраст между духовными и материальными потребностями героя. Авторских примечаний А. С. Пушкина к тексту «Отрывков из путешествия Онегина», помимо данного – «гастроно-

мического» – нет. Сопутствующая публикации материала редакционная работа тоже сопровождается несколькими комментариями, разъясняющими читателю содержание иноязычных вкраплений в повествование, несмотря на то что материал изобилует топонимическими реалиями и прочими фактическими данными, которые не всегда были понятны даже современникам Пушкина, не говоря уже о потомках.

Вспоминая процесс духовных исканий героя, Пушкин сосредоточивает внимание на хаотичном характере смены его впечатлений. На общем фоне перемещений персонажа рассказ о погружении его в шумный мир праздной Одессы выглядит закономерным завершением поисков комфортного «уголка».

Онегин в состоянии критически оценить тщетный характер своих суетных будней и праздников [16, с. 365], сопоставляя столь различные символы театральной, музыкальной Одессы и несколько деталей, емких и реалистичных, предваряющих впечатления зрителя [17, с. 105]. Реальный, или исторический, комментарий [6, с. 132] становится проводником авторских идей.

В наследии А. С. Пушкина особое место занимает публикация полного текста романа «Евгений Онегин», на одну из важных частей которого обращает внимание далеко не каждый читатель, хотя по замыслу поэта она содержит яркие характеристики современного автору и герою светского общества. Речь идет о вполне самостоятельной части романа в стихах – «Примечаниях», – которая предваряет его своеобразный эпилог – «Отрывки из путешествия Онегина» – и подытоживает критические размышления автора о современных нравах и общественных ценностях.

Эти сорок четыре примечания, якобы предназначенные для П. А. Катенина, потребовавшего разъяснений по поводу неожиданного появления Онегина в восьмой главе, выполняют иную функцию: нарочито затемняют факты биографии героя, переводя внимание читателя на реалии частной жизни представителей высшего света. Поэт очерчивает границы этого локуса, включая в него читательские и театральные интересы современников и одиночные бытовые детали, как и в предыдущем примере, резко контрастирующие друг с другом в одном контексте.

А. П. Чудаков объясняет интерес Пушкина к форме примечаний следующим образом: «Примечания – обычное явление в литературных произведениях допушкинского и пушкинского времени [18, с. 223], – апеллируя к Ю. Н. Тынянову, отмечающему и иные задачи примечания в творчестве поэта в 1830-е гг.: Пушкин в своем романе делает их «...средством полемики с критикой и пародирует сам метод» [19, с. 141].

Для авторской манеры в «Примечаниях» характерно обращение к пристайным и подстроч-

ным примечаниям в границах одного текста [20, с. 422]. В частности, в пяти случаях он создает сложную игру средствами русской и иноязычной лексики, прибегая к переводам цитат-реминисценций из произведений зарубежной литературы («Исповедь» Ж.-Ж. Руссо), заглавий («Десять лет изгнания») и афоризмов («Если бы я имел безрассудство верить еще в счастье, я бы искал его в привычке»), «Оставьте всякую надежду вы, сюда входящие»), пестрящих в оригинале французской и итальянской речью, что характерно для лингвистического комментария [1, с. 198].

В «Примечаниях» ироническая игра автора доведена до своего апогея: инертность читательского мышления, его ожидание подробных, детализированных комментариев контрастируют с замыслом Пушкина и его воплощением. Поэт предлагает минимум информации в разъясняющих комментариях, штрихами обозначая место создания того или иного фрагмента текста («Писано в Бессарабии» (6, с. 191), «Писано в Одессе» (6, с. 192).

Историко-литературный, или историко-текстовый [21, с. 7], комментарий, предназначенный для разъяснения значения историзмов, диалектизмов, архаизмов, погружает читателя в атмосферу модных салонов («*Dandy, франт» (6, с. 191), «Шляпа a la Bolivar» (6, с. 192), пассаж о ногтях и белилах в жизни современного франта (6, с. 191)), и ресторанов (Talou, например (6, с. 191)), литературных и музыкальных предпочтений современников и современниц («*Из первой части Днепровской русалки», «*Грандисон и Ловлас, герои двух славных романов», «*Шатобриан», «*Бедный Иорик!» (6, с. 192) – восклицание Гамлета над черепом шута (см. Шекспира и Стерна)» (6, с. 191), «Юлия, или Новая Элоиза» (6, с. 193) и др.). Упомянутые в данном контексте, эти примечания иронически акцентируют внимание на шаблонном, стереотипном характере вкусов и интересов представителей светского общества и неизменно сопровождаются характерными эпитетами: «прелестное» (дважды), «сладкозвучнейшие», «славные» (дважды), «гениальное», что резко снижает впечатление.

Постепенно, от комментария к комментарию, проясняется замысел Пушкина: в «Примечаниях» он апробировал тот прием, к которому обратится и в «Отрывках из путешествия Онегина» – в одном контексте сталкивая литературные интересы автора (героев) и их бытовые, по большей части приземленные пристрастия, в основном гастрономические или хозяйственные. Реальный, или исторический, комментарий вновь используется для характеристики исторических персонажей или современников, изображение которых в данном случае неизменно имеет иронический оттенок, например: «*Вся сия ироническая строфа не что иное, как тонкая похвала прекрасным нашим соотечественницам. Так Буало, под видом укоризны,

хвалит Людовика XIV. Наши дамы соединяют просвещение с любезностью и строгую чистоту нравов с этою восточною прелестью, столь пленившей г-жу Сталь. (см. Dix anneés d'exill)***» (6, с. 191). Заметно, что ирония усиливается в тексте «Примечаний» по мере развития сюжета романа в стихах и появления новых реалий дворянской и помещицкой жизни.

Пушкин стирает явное противоречие между миром духовным и материальным в редакционно-издательском комментарии, приводя прямую цитату и вышучивая стиль идиллического пейзажа в лирике Н. Гнедича, избыточующего сентименталистскими и романтическими «штампами». Иронию поэта вызывают и воспоминания о В. А. Левшине – «*авторе многих сочинений по части хозяйственной» (6, с. 195), хотя и оставившем современникам и потомкам труды по экономике и домоводству, однако в контексте «Примечаний» ассоциирующемся с сугубо прозаическими наблюдениями и выводами о состоянии дорог на Руси в разные времена года:

Свободна русская езда
В двух только случаях: когда
Наш Мак-Адам или Мак-Ева
Зима свершит, треща от гнева,
Опустошительный набег,
Путь окует чугуном льдыстым,
И запорошит ранний снег
Следы ее песком пушистым
Или когда поля проймет
Такая знойная засуха,
Что через лужу может вброд
Пройти, глаза зажмуря, муха» (6, с. 195).

Выводы

В «Примечаниях» к «Евгению Онегину» Пушкин дает редакционно-издательский комментарий: в семнадцатом (6, с. 191) и в сороковом (6, с. 194) примечаниях он приводит ранние варианты рукописей, в первом случае якобы сравнивая с первым изданием романа в стихах, во втором – с итоговым текстом шестой главы, как и в предыдущих случаях конкретизируя и детализируя негативную оценку различных сторон жизни светского общества.

Чрезвычайно востребованное явление как столичной, так и провинциальной жизни первой половины XIX в. – литературные журналы и альманахи, во многом определяющие направление читательских интересов образованной части общества. В двадцать первом примечании Пушкин в ироническом пассаже вспоминает журнал А. Измайлова «Благонамеренный», акцентируя внимание на «бытовой» стороне деятельности редактора-издателя, вспоминая, как последний выпускал свой журнал «домашним» образом, то есть следующий номер вовремя добирался до читателя только в том случае, если не препятствовали внешние обстоятельства, преимущественно семейные дела, календарные и церковные праздни-

ки, например, затяжная масленица или свадьба дочери: «Издатель однажды печатно извинился перед публикою тем, что он на праздниках гулял» (6, с. 193).

Критические отзывы, опубликованные в журналах той поры, способствуют полемике Пушкина с оппонентами. В примечаниях двадцать третьем, двадцать четвертом, тридцать первом (6, с. 193), тридцать вторым, тридцать шестым (6, с. 194) ему доводится отстаивать приемы лексического новаторства и лексической дерзости, якобы недоумевая, как можно журнальным критикам заострять внимание читателей на таких «шероховатостях» текста.

Таким образом, в позднем творчестве происходит тяготение поэта к прозаическим жанрам: в заметках, предисловиях, статьях, «мнениях» (отзывах), содержащих оценку событий русской и мировой истории, театрального искусства, журнальной и газетной полемики, в которых большую ценность для самого Пушкина представлял собственно факт (событие), его детализация и бытописание, как правило, довольно подробные, они не предполагают обилия дополнительной поясняющей информации, что подтверждают единичные «находки» историко-бытового комментария в художественных и публицистических произведениях.

Литература

1. Томашевский, Б. В. Писатель и книга: очерк текстологии / Б. В. Томашевский. – Л.: Прибой, 1928. – 228 с.
2. Бонди, С. М. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. / С. М. Бонди. – М.: Просвещение, 1971. – 232 с.
3. Бродский, Н. Л. «Евгений Онегин»: Роман А. С. Пушкина / Н. Л. Бродский. – М.: Учпедгиз, 1964. – 431 с.
4. Цявловский, М. А. Рукою Пушкина / М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зензер. – М.; Л.: Academia, 1935. – 926 с.
5. Модзалевский, Л. Б. Пушкин. Дневник. 1833–1835 / Л. Б. Модзалевский. – М.; Пг.: Госиздательство, 1923. – 275 с.
6. Лотман, Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий / Ю. М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1983. – 416 с.
7. Вацуру, В. Е. Пушкинская пора: сборник статей / В. Е. Вацуру. – СПб.: Академический проект, 2000. 624 с.
8. Красухин, Г. Г. Доверимся Пушкину: Анализ пушкинской поэзии, прозы и драматургии / Г. Г. Красухин. – М.: Флинта: Наука, 1999. – 400 с.
9. А. С. Пушкин: школьный энциклопедический словарь / под ред. В. И. Коровина. – М.: Просвещение, 1999. – 776 с.
10. Набоков, В. В. Комментарии к «Евгению Онегину» Александра Пушкина / В. В. Набоков. – М.: Интелвак, 1999. – 1008 с.
11. Никишов, Ю. М. Путешествие в мир «Евгения Онегина» / Ю. М. Никишов. – М.: ТЕРРА, 2005. – 544 с.
12. Shor, T. K. On the Problem of a Literary Commentary / T. K. Shor // Пушкинские чтения в Тарту. – Тарту: Объединенное гуманитарное издательство, 2000. – P. 461–488.
13. Болдинская осень: стихотворения, поэмы, маленькие трагедии, повести, письма, критические статьи, написанные А. С. Пушкиным в селе Болдине Лукояновского уезда Нижегородской губернии осенью 1830 года. – М.: Молодая гвардия, 1974.
14. Кожевников, В. А. «...Всепокорнейше прошу никак имени моего не упоминать...»: Из комментария к «Повестям покойного Ивана Петровича Белкина» / В. А. Кожевников // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 1. – С. 151–159.
15. Львова, О. В. Рассказ о путешествии: формы литературной рецепции травелога / О. В. Львова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9, Ч. 3. – С. 38–52.
16. Богданова О. В. Аллюзийный подтекст в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» / О. В. Богданова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 12, Ч. 3. – С. 365–370.
17. Щербакова, М. И. Текстология / М. И. Щербакова // Введение в литературоведение. – М.: Оникс, 2007. – С. 97–147.
18. Чудаков, А. П. К проблеме тотального комментария «Евгения Онегина» / А. П. Чудаков // Пушкинский сборник. – М.: Три квадрата, 2005. – С. 210–237.
19. Тынянов, Ю. Н. Пушкин и его современники / Ю. Н. Тынянов. – М.: Наука, 1969. – 424 с.
20. Елина, Е. Г. Текстология / Е. Г. Елина, И. А. Книгин // Введение в литературоведение; под ред. Л. В. Чернец. – М.: Академия, 2012. – С. 415–425.
21. Semiotics and the History of Culture: In Honor of Jurij Lotman. Studies in Russian. – Columbus: Slavica Publishers, 1988. – Vol. 17. – 437 p.

Жаплова Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики, Оренбургский государственный университет (Оренбург), e-mail: TMZhaplova@mail.ru. ORCID 0000-0003-0278-5852

Скибин Сергей Михайлович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы, журналистики и методики преподавания литературы, Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург), e-mail: skibin_fil@mail.ru. ORCID 0009-0009-9971-6861

Поступила в редакцию 20 апреля 2023 г.

DOI: 10.14529/ssh230307

AUTHOR'S COMMENTS IN THE POETICS OF A. S. PUSHKIN OF THE 1830S

T. M. Zhaplova¹, S. M. Skibin²

¹Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation

²Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

The subject of our study is the author's notes (comments) of A. S. Pushkin, found in his book and magazine publications of the 1830s, in which the author explains the historical and everyday realities peculiar to a certain period of development of Russian society. The author's notes and comments of A. S. Pushkin are an important, but poorly studied category of the text poetics. Analysis and interpretation of Pushkin's notes helps establish intercontextual ties of these works with the key events of Russian history, revealing Pushkin's true attitude to them. Considering the poet's high requirements to the interpretation of events, his clear dissatisfaction with obvious gaps in the interpretation of Russian history, we can subtext in his notes that significantly complements the romanticized idea of heroes and events. The commentary in Pushkin's later works allows us to clarify some facts of Russian social life. The notes essentially contain an ironic assessment of the techniques peculiar to classicism, sentimentalism and romanticism, couched in the form of parody, which in turn the poet's demanded of works of the 1830s.

Keywords: notes, symbol, antithesis, irony, reminiscence, subtext, details.

References

1. Tomashevskiy B.V. Pisatel' i kniga: ocherk tekstologii [The Writer and the Book: An Essay of Textual Criticism]. L.: Priboy, 1928. 228 s.
2. Bondi S.M. Chernoviki Pushkina. Stat'i 1930–1970 gg. [Pushkin's Drafts: Articles of the 1930s–1970s]. M.: Prosveshchenie, 1971. 232 s.
3. Brodskiy N.L. «Evgeniy Onegin»: Roman A.S. Pushkina [Eugene Onegin: Novel by Alexander Pushkin]. M., Uchpedgiz, 1964. 431 s.
4. Tsyavlovskiy M.A., Modzalevskiy L.B., Zenzer T.G. Rukoyu Pushkina [Pushkin's Handwriting]. M.; L.: Academia, 1935. 926 s.
5. Modzalevskiy L.B. Pushkin. Dnevnik. 1833–1835 [Pushkin. The Diary. 1833–1835]. M.: P.: Gosizdatel'stvo, 1923. 275 s.
6. Lotman Y.M. Roman A.S. Pushkina «Evgeniy Onegin»: Kommentariy [A.S. Pushkin's Novel Eugene Onegin: Commentary]. L.: Prosveshchenie, 1983. 416 s.
7. Vatsuro V.E. Pushkinskaya pora [Pushkin's Time]: sbornik statey. SPb.: Akademicheskii proekt, 2000. 624 s.
8. Krasukhin G.G. Doverimsya Pushkinu: Analiz pushkinskoy poezii, prozy i dramaturgii [Let's Trust Pushkin: Analysis of Pushkin's Poetry, Prose and Dramaturgy]. M.: Flinta: Nauka, 1999. 400 s.
9. A.S. Pushkin [A.S. Pushkin]: shkol'nyy entsiklopedicheskiy slovar'. M.: Prosveshchenie, 1999. 776 s.
10. Nabokov V.V. Kommentariy k «Evgeniyu Oneginu» Aleksandra Pushkina [Commentary on Eugene Onegin by Alexander Pushkin]. M.: Intelvalk, 1999. 1008 s.
11. Nikishov Y. M. Puteshestvie v mir «Evgeniya Onegina» [Travelling into the World of Eugene Onegin]. M.: TERRA, 2005. 544 s.
12. Shor T.K. On the Problem of a Literary Commentary // *Pushkinskie chteniya v Tartu*. Tartu: Ob'yedinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo, 2000. S. 461–488.
13. Boldinskaya osen': stikhovoreniya, poemy, malen'kie tragedii, povesti, pis'ma, kriticheskie stat'i, napisannye A.S. Pushkinym v sele Boldine Lukoyanovskogo uezda Nizhegorodskoy gubernii osen'yu 1830 goda [Boldin Autumn: Poems, Poems, Small Tragedies, Stories, Letters, Critical Articles Written by A.S. Pushkin in the Village of Boldin, Lukoyanovsky District, Nizhny Novgorod Province in the Autumn of 1830]. M.: Molodaya gvardiya, 1974.

14. Kozhevnikov V.A. «...I Kindly Ask You Not to Mention My Name...»: From the Commentary on the Tales of Deceased Ivan Petrovich Belkin // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2019. № 1. S. 185–189.
15. L'vova O.V. A Travel Story: The Forms of Literary Reception of a Travelogue // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2016. № 9, Ch. 3. S. 38–40.
16. Bogdanova O.V. An Allusive Subtext in A. S. Pushkin's Novel The Captain's Daughter // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 2019. № 12, Ch. 3. S. 365–370.
17. Scherbakova M.I. Tekstologiya [Textology] // *Vvedenie v literaturovedenie*. M.: Oniks, 2007. S. 97–147.
18. Chudakov A.P. K probleme total'nogo kommentariya «Evgeniya Onegina» [On the Problem of a Total Commentary of «Eugene Onegin»] // *Pushkinskiy sbornik*. M.: Tri kvadrata, 2005. S. 210–237.
19. Тунянов Y.N. Pushkin i ego sovremenniki [Pushkin and His Contemporaries]. M.: Nauka, 1969. 424 s.
20. Elina E.G., Knigin I.A. Tekstologiya [Textology] // *Vvedenie v literaturovedenie*. M.: Akademiya, 2012. S. 415–425.
21. Lotman Y.M. Roman A.S. Pushkina «Evgeniy Onegin»: Kommentariy [A.S. Pushkin's Novel Eugene Onegin: Commentary]. L.: Prosveshchenie, 1983. 416 s.

Tatyana M. Zhaplova – D. Sc. (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Journalism, Orenburg State University (Orenburg), e-mail: TMZhaplova@mail.ru

Sergey M. Skibin – D. Sc. (Philology), Professor, Head of the Department of Literature, Journalism and Teaching Methodology, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg), e-mail: skibin_fil@mail.ru

Received April 20, 2023

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Жаплова, Т. М. Авторские примечания в поэтике произведений А. С. Пушкина 1830-х годов / Т. М. Жаплова, С. М. Скибин // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 61–68. DOI: 10.14529/ssh230307

FOR CITATION

Zhaplova T. M., Skibin S. M. Author's Comments in the Poetics of A. S. Pushkin of the 1830s. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2023, vol. 23, no. 3, pp. 61–68. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh230307
